

ОШИБКИ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ В СИТУАЦИОНИСТСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТАХ

Хорт Михаил Геннадьевич

*аспирант, ассистент кафедры социальной философии Института
социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского
(Приволжского) федерального университета,*

e-mail: mgkhort@kpfu.ru

г. Казань

Аннотация

В статье рассматривается ситуационистская критика теории добродетелей. Основной тезис теории добродетелей (аретического подхода) заключается в том, что люди обладают устойчивыми чертами характера, которые выступают в качестве диспозиций их поведения. Ситуационисты используют экспериментальные данные социальной психологии и социологии, чтобы отрицать указанный тезис. В соответствии с их позицией, локальные обстоятельства, в которых оказался человек, определяют его реакции, поведение и оценки. Так как не существует устойчивых черт характера, то нет и того, что мы могли бы назвать добродетелями. В статье показывается, что классические эксперименты, которые часто упоминают ситуационисты, могут быть подвергнуты сомнению. В частности, в данных экспериментах можно обнаружить ошибки операционализации. В статье делается вывод, что такие концепты как «черта характера» и «добродетель» крайне сложно операционализировать, так как они обладают нормативной коннотацией.

Ключевые слова: ситуационизм, операционализация, этика добродетелей, эпистемология добродетелей, социальная психология.

OPERATIONALIZATION ERRORS IN SITUATIONIST EXPERIMENTS

Khort M.G.

PhD student, assistant

Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract

This article examines the situationist critique of virtue theory. The main thesis of the virtue theory is that people have stable character traits that act as dispositions of their behavior. Situationists use the experimental data of social psychology and sociology to deny this thesis. According to their position, the local circumstances in which people find themselves determine their reactions. Since there are no enduring character traits, neither are there what we might call virtues. The article shows that the classical experiments often cited by situationists can be questioned. In particular, operationalization errors can be found in these experiments. The operationalization of «character traits» implies the following: (a) indicators of behavior should unambiguously represent paradigmatic cases of reactions. (b) the simulated situation must have clear parameters for actions. (c) the experimenter must be confident that the subjects understand the concept of virtues in the same way as he does. These conditions are not met in situationist experiments. This means that the experimental critique of the virtue approach is not complete. The article concludes that concepts such as «character trait» and «virtue» are extremely difficult to operationalize. The normative nature of virtue ethics and epistemology makes their critique in terms of empirical research problematic.

Key words: situationism, operationalization, virtue ethics, virtue epistemology, social psychology.

Аретический подход в этике и эпистемологии основывается на тезисе, что существуют осуждаемые черты характера – пороки, а есть, наоборот, восхваляемые – добродетели. Одно из наиболее серьезных возражений в отношении этого подхода заключается в том,

что, возможно, нет таких устойчивых черт характера, которые могли бы служить основой добродетелей. Это возражение отталкивается от эмпирических исследований ситуационистского типа. Как правило, данная критика направлена на идею этических добродетелей, но она в равной мере применима и к эпистемическим. Ведь если нет устойчивых черт характера, служащих «фундаментом» для этических добродетелей, то вполне допустимо, что таковых нет и для интеллектуальных добродетелей.

Представители ситуационизма утверждают, что человеческие реакции определяются скорее деталями ситуации, а не какой-либо чертой характера. Эти утверждения подтверждаются поведенческими исследованиями, направленными на сравнение влияния аспектов ситуации и черт характера. Некоторые исследователи (дискуссия в философии началась с работ двух авторов – Г. Хармана [1] и Д. Дорис [2], [3]) взяли результаты ситуационистских исследований и попытались применить их в качестве критики аретического подхода.

Г. Харман рассматривает черты характера как «относительно долгосрочную устойчивую склонность действовать определенным образом» [1, р. 318]. Обращаясь к эмпирическим исследованиям, он приходит к следующему выводу: «мы очень уверенно приписываем другим людям черты характера, чтобы объяснить их поведение. Но наши атрибуции, как правило, совершенно неверны, и на самом деле нет никаких доказательств того, что люди различаются по чертам характера. Скорее, они различаются по своему положению и восприятию ситуации. Они различаются своими целями, стратегиями, невротами, оптимизмом и т. д. Но черты характера не объясняют, имеющиеся [между людьми] различия» [1, р. 329]. Д. Дорис не считает, что можно основывать критику исключительно на апелляции к прикладным исследованиям, но он так же согласен, что недоказанность фундаментального тезиса теории добродетелей делает весь этот подход сомнительным. Он предлагает релятивизировать то, что традиционно подразумевается под чертами характера, относительно локальных ситуаций. Так, например, мы не можем говорить о честности человека в целом, но должны сказать, что честность как черта может

проявляться в определенных обстоятельствах. Он называет [2, р. 507] три основных тезиса, которые стремится экспериментально подтвердить ситуационизм. Во-первых, тезис о том, что мы можем с большей вероятностью предсказать поведение человека через оценку ситуации, чем через его предполагаемые черты характера. Во-вторых, как пишет сам Дорис, «для человека диспозиции, действующие в одной ситуации, могут иметь сильно отличающийся оценочный статус в иной ситуации – несовместимые диспозиции могут «сожительство-вать» в одной личности» [2, р. 507]. В-третьих, ситуационисты указывают, что стабильность в поведении проявляется только в повторяющихся ситуациях, а в принципиально новых обстоятельствах человек может вести себя непоследовательно и не проявлять тех черт, которые были ему атрибутированы. Все это означает, что только «детальный перечень локальных черт может обеспечить описание личности, которое является как эмпирически адекватным, так и теоретически полезным» [2, р. 508].

Теперь рассмотрим конкретные исследования, на которые опирались Г. Харман и Д. Дорис. Классический эксперимент, на который ссылаются ситуационисты, – это исследование добродетелей студентов Принстонской духовной семинарии. Приведем краткое описание эксперимента, данное Л. Росс и Р. Нисбет в фундаментальной монографии «Человек и ситуация: Уроки социальной психологии»: «В ходе начальной фазы эксперимента семинаристам сообщали, что они должны подготовиться к произнесению краткой импровизированной речи (которая для половины участников эксперимента была посвящена как раз притче о добром самаритянине), запись которой состоится в расположенном неподалеку здании. После получения указаний от экспериментаторов одних испытуемых предупреждали: «Вы опаздываете, вас ждут уже несколько минут, так что лучше поторопиться», в то время как другим говорили прямо противоположное: «У вас будет некоторое время, прежде чем все будет готово к вашему приходу, но ничего не случится, если вы придете пораньше». По дороге к месту назначения опаздывающие, равно как и располагающие некоторым запасом времени участники эксперимента, наткнулись на чело-

века, упавшего в дверях, который был не в состоянии поднять голову, стонал и заходился от кашля. Как и предполагалось, редкий семинарист из числа опаздывающих приходил на помощь несчастному: на проверку это сделали лишь 10 % из них. В то же время 63 % общего числа семинаристов, располагавших временем, оказали помощь человеку» [4, с. 58].

Второй эксперимент [4, с. 95–97] представляет собой набор локальных экспериментов, направленных на выявление честности в различных ситуациях. Испытуемыми в этих экспериментах были дети. Ситуации включали возможность жульничать в тестах, домашних заданиях, спортивных соревнованиях, а иногда воровать деньги или лгать о своем собственном поведении или поведении других. Все эти типы поведения были приняты за примеры нечестности как черты характера, то есть порока. Экспериментаторы искали зависимости между этими типами поведения. Корреляция между поведением одного и того же типа (например, вероятность того, что ребенок, который обманул во время теста, снова обманет) была довольно высока. Однако корреляция между поведением разных типов была низкой. Ситуационисты делают вывод из этого экспериментального доказательства, что если и существуют устойчивые паттерны поведения, то они весьма специфичны, а не так общи, как предполагаемые черты характера.

Описанные эксперименты используются ситуационистами, чтобы показать, что именно ситуация, а не какая-либо черта характера определяет поведение в данных обстоятельствах. Отсутствие корреляции поведения в разных ситуациях можно рассматривать как свидетельство того, что поведение не контролируется ничем похожим на черты характера. Этот вывод имеет негативные последствия для теории добродетелей, поскольку она обращается к чертам характера для объяснения того, на что похож добродетельный человек.

Теме не менее, есть причины сомневаться в стандартной интерпретации этих экспериментальных результатов. Сомнению может быть подвергнута методология экспериментов и то, как они соотносятся с нашей концепцией черт характера. Одно из возможных возражений в отношении методологии заключается в том, что данные

исследования должны носить более долгосрочный характер [5, с. 13]. Еще одно возражение, которые мы рассмотрим подробнее, заключается в обнаружении в ситуационистских экспериментах ошибок операционализации. Судя по всему, теория добродетелей, предлагаемая аретическим подходом, не соотносится с концепцией, используемой ситуационистами.

В названных исследованиях экспериментаторы операционализируют рассматриваемую черту характера. Они дают определение того, какие типы поведения будут классифицироваться как действия в соответствии с данной чертой, а какие – нет. То, как операционализируется черта характера, влияет на интерпретацию поведения и выводы исследователей, на что указывается в ряде работ [6], [7], [8].

Г. Шринивасан, защищая аретический подход, рассматривает в каких условиях индикаторы поведения могут позволить операционализировать черты характера [8, pp. 49–59]. Во-первых, выдвигается требование, чтобы реакция была парадигмальным случаем применения исследуемой черты. В экспериментах Хартсхорна и Мэя [4, с. 96] испытуемым детям была предоставлена возможность лгать о поведении других и о том, обманывали ли они. Если бы другой субъект обманул, то сказать правду означало бы «выдать их», а ложь – защитить. Но это не парадигмальные примеры честности. Многие могут не согласиться с тем, что говорить о нечестности других само по себе правильно и честно. Таким образом, вопрос, следует ли в данном случае считать ложь недостатком необходимой честности, остается открытым. Мы можем думать, что человек в целом честен, даже если он не говорит всю правду в определенной ситуации.

В соответствии со вторым требованием не должно быть внешних условий, которые по той или иной причине делают невозможным проявление черты. Чтобы продемонстрировать, что кто-то действовал вопреки добродетели, неправильно рассматривать случай, когда есть веская причина не действовать в соответствии с этой добродетелью. Хорошим примером, разъясняющим данное требование, является дискуссия о справедливости из платоновского «Государства»: возвращать вещи их хозяину – правильно и справедливо, но мы не дума-

ем, что справедливость требует возврата оружия другу, который сошёл с ума. Нечто похожее мы видим и в описанных экспериментах. Например, испытуемым студентам семинарии предъявляли два конкурирующих требования – помочь нуждающимся и сдержать обещание передать сообщение.

Наконец, третье требование заключается в том, чтобы было согласие относительно ответных реакций. Это важнейшее требование, потому что мы ищем случаи, когда люди действуют таким образом, который как бы несовместим с требованиями определенной добродетели. Дети, которые участвовали в эксперименте, который изначально был направлен на то, чтобы заставить их воровать, могут подумать, что получение случайной сдачи полностью соответствует требованиям честности, а не воровства. Если испытуемый не считает, что это нечестно, то мы не обнаружили ситуации, когда детали контекста заставляли его действовать не в соответствии с характером.

Таким образом, мы можем видеть, что детали рассматриваемых классических экспериментов не соответствуют трем требованиям операционализации. Из этих экспериментов нельзя сделать вывод об отсутствии у испытуемого устойчивых черт характера. Поведение, которое не соответствует чертам характера, можно объяснить как минимум тремя способами: ситуация не представляет парадигмальный пример проявления данных черт, имеются «конкурирующие» требования нескольких добродетелей, субъекты по-своему интерпретируют ситуацию.

Литература

1. *Gilbert H.* Moral Philosophy Meets Social Psychology: Virtue Ethics and the Fundamental Attribution Error / H. Gilbert // *Proceedings of the Aristotelian Society*. – 1999. – № 99. – P. 315–331.
2. *Doris J.* Persons, situations, and virtue ethics / J. Doris // *Noûs* – 1998. Vol. 32. № 4. – P. 504–530.
3. *Doris J.* Lack of Character: Personality and Moral Behavior. – Cambridge University Press, 2002. – 288 p.
4. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 429 с.
5. *Каримов А.Р.* Вызов ситуационизма для эпистемологии добродетелей / А.Р. Каримов // *Вестник ВятГУ*. – 2017. – №11. – С. 10–15.

6. *Russell D.* Practical Intelligence and the Virtues. – Oxford University Press, 2009. – 464 p.

7. *Kamtekar R.* Situationism and virtue ethics on the content of our character / R. Kamtekar // *Ethics*. – 2004. Vol.114. №. 3. – P. 458–491.

8. *Sreenivasan G.* Errors about errors: Virtue theory and trait attribution. / G. Sreenivasan // *Mind*. – 2002. Vol. 111. № 441. – P. 47–68.